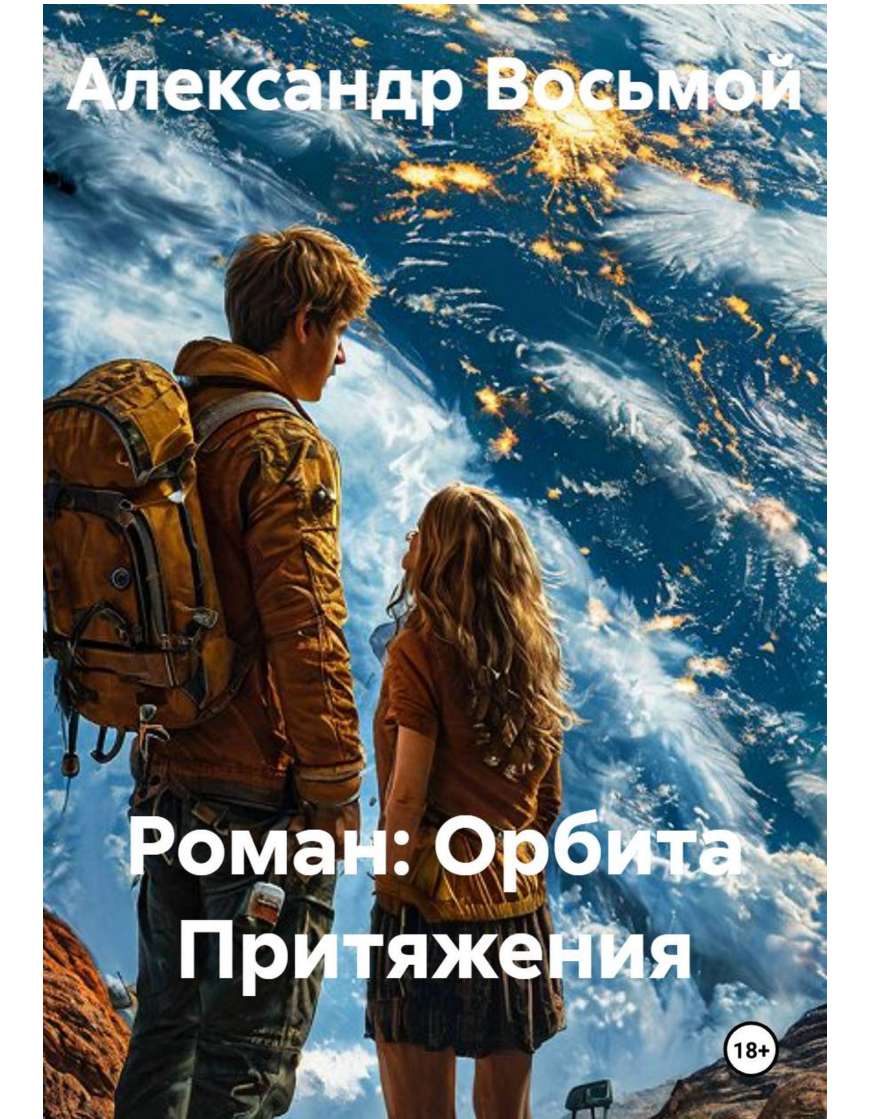

The background of the cover is a composite image. In the foreground, a young man and woman are seen from behind, looking up at a vast, fiery celestial body. The man on the left is wearing a brown jacket and a large, detailed backpack. The woman on the right has long, wavy blonde hair and is wearing a brown top and a dark skirt. The celestial body in the background is a mix of deep blue and bright orange-yellow, resembling a nebula or a distant galaxy. The overall tone is dramatic and cosmic.

Александр Восьмой

**Роман: Орбита
Притяжения**

18+

Александр Восьмой

Роман: Орбита Притяжения

<https://litres.ru/74226329>

SelfPub; 2026

Аннотация

В эпической истории о спасении умирающей планеты сталкиваются два мира — холодной логики и живого вдохновения. Оптима, космический инженер, привык доверять лишь цифрам, а учительница Наталия Новикова знает: наука жива, пока зажигает сердца. Их встреча на публичной лекции становится искрой: за интеллектуальными дуэлями и острым флиртом прячется битва двух взглядов на мир. Когда секретный проект по стабилизации орбиты оказывается на грани катастрофы из-за скрытых ошибок, сухие расчёты бессильны. Лишь нестандартное мышление и умение вдохновлять могут спасти планету — и именно педагогический талант Наталии становится ключом к решению. В кульминационный момент Оптима стоит перед выбором: холодный расчёт или доверие к интуиции и связи с Наталией. Их союз доказывает: логика и эмоции — не враги, а союзники, способные изменить судьбу мира.

Александр Восьмой

Роман: Орбита

Притяжения

Глава 1. «Точка пересечения орбит»

Зал концертного комплекса «Космополис» гудел, как перегретый реактор. Три тысячи человек, и каждый будто пытался перекрыть невидимую угрозу, которая висела в воздухе вместе с запахом озона, полированного металла и дорогого парфюма. На сцене мерцали гигантские экраны, на которых медленно крутилась модель Земли — её орбита пульсировала тревожным алым контуром. В этом свете всё казалось чуть нереальным, будто зрители уже находились не в мегаполисе, а на борту корабля, который вот-вот развалится от перегрузок.

Оптимист стоял у края сцены, чувствуя, как холод подиума пробирается сквозь тонкую подошву ботинок. Он ненавидел публичные выступления. Для него наука была тишиной лабораторий, шелестом распечаток, тиканьем серверов в серверной, где никто не смотрел ему в глаза и не ждал от него надежды. Надежда — это не переменная, её нельзя заложить в уравнение. Но сегодня его заставили выйти к людям, потому что только он знал всю правду — и она была страшнее любого кошмара.

Он поднял взгляд, поймал фокус на центре зала и заговорил ровно, без интонаций, будто зачитывал код:

— Орбита планеты теряет стабильность. Отклонение составляет 0,003 градуса. На первый взгляд — ничто. Но в масштабах небесной механики это как трещина в несущей балке небоскрёба. Мы оцениваем критический порог в восемнадцать месяцев. Возможно, меньше.

В зале прокатился шёпот, похожий на ветер перед бурей. Кто-то ахнул, кто-то достал телефон, чтобы записать. Оптимист не смотрел на лица — он смотрел поверх голов, туда, где экраны рисовали кривые, которые не оставляли места для иллюзий.

И тут из-за кулис вышла Наталия Новикова.

Она двигалась так, будто сцена была не подиумом, а школьным коридором, где она тысячу раз проходила мимо десятков любопытных взглядов. Лёгкое платье цвета ночного неба, в волосах — тонкая заколка в виде созвездия Ориона. Она улыбнулась залу — не широкой, дежурной улыбкой, а той, что появляется, когда учитель понимает: класс наконец-то заинтересовался.

— Здравствуйте, — сказала она мягко, и этот голос, тёплый и живой, будто погасил часть напряжения в воздухе. — Я знаю, что сейчас многим хочется спрятаться под стол. Или хотя бы закрыть глаза. Но давайте не будем этого делать. Потому что именно сейчас нам нужно смотреть очень внимательно.

Оптиме едва заметно нахмурился. Его часть выступления была расписана по секундам. Никаких «давайте не будем прятаться». Только факты. Только цифры. Только реальность, какой бы жестокой она ни была.

Наталия подошла к экрану, провела ладонью по воздуху, будто стирая алую линию, и повернулась к залу:

— Смотрите: эта кривая — не приговор. Это вызов. И знаете, что самое удивительное? У нас есть инструменты, чтобы на него ответить. У нас есть люди, которые умеют считать эти страшные цифры. И у нас есть вы — люди, которые умеют превращать страх в действие.

Оптиме почувствовал, как внутри что-то дёрнулось — не раздражение, а искра несогласия, которая тут же захотела вспыхнуть. Он шагнул вперёд, перехватывая внимание:

— Инструменты есть. Но времени нет. И если мы будем говорить о вдохновении, вместо того чтобы считать дельту отклонений, мы проиграем. Математика не терпит иллюзий.

Наталия не отступила. Наоборот, её глаза загорелись тем самым огнём, который бывает у учителей, когда им бросают вызов — и они его принимают.

— А я и не предлагаю отказаться от математики, — спокойно ответила она, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что между ними. — Я предлагаю добавить к ней смысл. Потому что числа без цели — это просто шум. А цель рождается там, где есть люди.

Их взгляды встретились — и в этот момент зал будто пе-

рестал существовать. Остались только два человека, два мира, столкнувшиеся на узкой полосе сцены. Оптима видел в ней наивную веру, которая могла стоять проекту драгоценного времени. Наталия видела в нём человека, который забыл, что наука начинается с вопроса «зачем?».

— Давайте посмотрим на это иначе, — предложила она, не сводя с него глаз, и её голос стал тише, но от этого только весомее. — Представьте, что эта орбита — это путь. И каждый из нас — маленький двигатель на этом пути. Один человек не удержит планету. Но тысяча людей, которые делают одно и то же движение, могут изменить траекторию.

Оптима хотел возразить. Хотел сказать, что орбита — это не метафора, это физика, и она не подчиняется силе коллективного желания. Но что-то в её словах зацепило его — не логику, а чувство. То самое, которое он давно запер в дальнем ящике своего сознания.

— Физика не работает на эмоциях, — произнёс он жёстко, но уже не так уверенно. — Она работает на законах.

— А кто открыл эти законы? — парировала Наталия, чуть приподняв бровь. — Люди. Которые смотрели на звёзды и спрашивали: «А что, если?» Эмоции — это топливо любопытства. Без него не бывает открытий.

Зал замер, будто превратился в один огромный прибор, фиксирующий каждое колебание воздуха. Кто-то уже снимал их на телефон, кто-то шептал: «Это же дуэль...» Но для Оптима и Наталии это была не дуэль — это была первая по-

пытка услышать друг друга сквозь шум собственных убеждений.

Оптимист сделал шаг ближе, не к залу, а к ней.

— Допустим, — сказал он, и в его голосе впервые проскользнула не сталь, а интерес. — Допустим, мы добавим «смысл» к расчётам. Что дальше? Как вы предлагаете удерживать орбиту с помощью вдохновения?

Наталия улыбнулась — не победно, а с лёгкой иронией, будто знала, что этот вопрос она ждала всю жизнь.

— Я не предлагаю удерживать орбиту вдохновением. Я предлагаю удерживать людей. Потому что, когда люди верят, что могут что-то сделать, они делают невозможное. А невозможное — это просто задача, которую ещё никто не решил.

На экране снова вспыхнула алая линия, но теперь она казалась не приговором, а вызовом. Оптимист вдруг понял, что впервые за долгое время ему хочется не просто выдать данные, а понять, как эти данные могут стать надеждой.

Спор продолжался ещё десять минут — о точности прогнозов, о роли общества, о том, что важнее: холодный расчёт или горячее сердце. И с каждой репликой напряжение между ними не росло — оно меняло полярность. Из противостояния оно становилось притяжением, как две орбиты, которые, казалось бы, должны разлететься, но вместо этого начинают медленно сближаться.

Когда они наконец закончили, зал взорвался аплодисментами. Видео их диалога разлетелось по сети за считанные ми-

нуты, а хэштег #ОрбитаНадежды стал трендом. Но для них двоих главным было не это.

Уже за кулисами, когда свет софитов погас, а шум толпы стал далёким эхом, Наталия тихо сказала:

— Вы боитесь, что надежда сделает нас слабее.

Оптима посмотрел на неё — впервые без брони из цифр и формул.

— Я боюсь, что она заставит нас забыть о реальности.

— Тогда давайте держать её вместе, — предложила она просто. — Вы — за реальность. Я — за надежду. А где-то посередине будет правда.

Он едва заметно улыбнулся — так, будто сам удивился этому движению мышц.

— Посмотрим, насколько прочной окажется эта середина.

Они вышли в коридор, где пахло краской и пылью, и где мир снова стал обычным: с расписанием, звонками и срочными письмами. Но где-то глубоко внутри обоих уже начало расти новое чувство — не готовое, не оформленное, но сильное. Чувство, что их орбиты пересеклись не случайно. И что от этой точки пересечения теперь зависит гораздо больше, чем они могли представить.

Глава 2. «Парадокс притяжения»

Студия напоминала гибрид школьного класса и командного центра космической миссии: на стенах висели схемы орбитальных манёвров, рядом с ними — детские рисунки со-

звездий; на столе лежал макет спутника, а рядом — коробка цветных маркеров, будто кто-то нарочно смешал два мира, чтобы проверить, смогут ли они ужиться. В воздухе витал запах свежей краски, озона и кофе — крепкого, почти горького, как напоминание о том, что времени на раздумья нет.

Оптима вошёл первым, привычно сканируя пространство: камеры, микрофоны, таймеры, графики на экранах. Для него это была очередная задача с жёсткими рамками: хронометраж, тезисы, КРІ по вовлечённости. Он сел на жёсткий стул, положил перед собой планшет и посмотрел на часы.

— Нам нужно уложиться в двадцать минут. Не больше. И никаких «вдохновляющих историй про звёздочки». Только факты, только суть.

Наталия появилась через минуту, будто принесла с собой кусочек школьного коридора: в руках — стопка распечатанных детских вопросов, на лице — лёгкая улыбка, в глазах — азарт. Она не села напротив, а встала у макета спутника, провела пальцем по его ребру, словно проверяя, настоящий ли он.

— Знаешь, что дети спрашивают чаще всего? Не «как рассчитать орбиту», а «а если мы опоздаем?». Они не боятся цифр. Они боятся, что взрослые скажут: «Всё пропало». И наша задача — не врать, но и не оставлять их в темноте.

Оптима нахмурился. Это звучало как философия, а не сценарий.

— Мы не можем обещать, что всё будет хорошо. Матема-

тика не знает утешений.

— А я и не предлагаю обещать, — спокойно ответила Наталия, наклоняясь к макету и поворачивая его так, чтобы свет из окна упал на солнечные панели. — Я предлагаю показать, что «хорошо» — это не отсутствие проблемы, а наличие решения. Даже если оно пока маленькое. Даже если это просто один человек, который не опустил руки.

Он хотел возразить, но поймал себя на том, что смотрит не на её аргументы, а на то, как свет ложится на её волосы, подчёркивая тонкие пряди, будто рассыпанные звёзды. Это сбивало с толку. Он привык к цифрам — они не отвлекали.

— Давай начнём с основ, — сказал он, стараясь вернуть голос в деловой регистр. — Гравитационный колодец, дельта- v , окно запуска. Без этого они не поймут масштаба задачи.

Наталия подняла бровь, и в этом жесте было столько учительского превосходства, что Оптима едва сдержал улыбку.

— Окно запуска, — повторила она, будто пробуя слово на вкус. — Знаешь, как это звучит для подростка? Как что-то, что можно пропустить, если зазеваться на перемене. А давай скажем иначе: «Окно запуска — это момент, когда Вселенная будто приоткрывает дверь и шепчет: „Сейчас“». И если ты не успеешь — она её закроет. Но не навсегда. Просто следующее окно будет через год. Или через пять.

Оптима невольно хмыкнул.

— Это не научно.

— Это честно, — парировала она. — Потому что подрост-

ки чувствуют время иначе. Для них год — это вечность. А пять лет — как целая жизнь. И если мы скажем «окно запуска», они подумают: «Ну, я уже опоздал». А если мы скажем про Вселенную, которая шепчет «сейчас», у них появится шанс услышать.

Он откинулся на стуле, скрестил руки и посмотрел на неё уже не как на помеху, а как на противника, достойного внимания.

— Ты превращаешь физику в сказку.

— Я превращаю её в смысл, — мягко поправила Наталия, подходя к экрану и касаясь пальцем анимированной траектории. — Смотри: вот эта линия — не просто кривая. Это чей-то выбор. Чьи-то бессонные ночи. Чьи-то ошибки и исправления. Это история людей, которые решили: «Мы не дадим планете упасть». Разве это не достойно того, чтобы о нём рассказать?

Оптим помолчал. В его голове эти вещи всегда жили отдельно: данные — в одном файле, эмоции — в другом, надёжно заархивированном и забытом. Но здесь, в этой студии, где рядом с формулами висели детские рисунки, границы стирались.

— Ладно, — наконец произнёс он, чуть смягчая тон. — Допустим, мы добавим «историю». Но без прикрас. Без ложного оптимизма.

— Без ложного, — согласилась Наталия, улыбаясь так, будто выиграла раунд, но не собиралась праздновать победу.

— Только с настоящим. С тем, что держит нас на ногах, когда кажется, что опоры нет.

Они начали репетировать. Оптима бросал термины — «перигей», «апогей», «гравитационный манёвр». Наталия тут же подхватывала и переводила: «перигей — это когда планета подходит ближе всего, будто хочет прошептать нам что-то важное», «апогей — когда она отдаляется, чтобы мы успели всё обдумать», «гравитационный манёвр — это когда ты используешь притяжение, чтобы лететь дальше, чем можешь сам».

Сначала он морщился от каждой метафоры. Потом начал замечать, как эти слова меняют интонацию его собственных фраз — они становились не сухими, а живыми. А потом случилось то, чего он не ожидал: они рассмеялись.

Это был не громкий, торжествующий смех, а тихий, почти случайный, родившийся из того, что они одновременно сказали одну и ту же фразу, но на разных языках — он на языке формул, она на языке образов. И вдруг оказалось, что эти языки не противоречат, а дополняют друг друга.

— Ты специально это делаешь, — пробормотал Оптима, пряча улыбку за планшетом.

— Что именно? — Наталия приподняла бровь, но в глазах плясали смешинки.

— Подгадываешь слова. Чтобы мы звучали как единое целое.

— Нет, — честно призналась она. — Просто я слышу те-

бя. И ты, кажется, наконец начал слышать меня.

За стенами студии мир действительно жил своей жизнью. В соцсетях хэштег #ОрбитаНадежды набирал обороты: блогеры спорили, учёные писали разборы, школьники снимали пародии и серьёзные ответы. В министерствах обсуждали возможность масштабировать их формат на всю страну. В обычных школах учителя пытались повторить тот самый баланс между страхом и надеждой, который так легко давался Наталие и так тяжело — Оптиме.

Но здесь, в студии, среди схем и маркеров, среди макетов и распечаток, был свой маленький космос. И в этом космосе две орбиты, которые должны были разлететься в разные стороны, вдруг начали медленно сближаться, подчиняясь какому-то новому, пока не описанному закону.

Когда запись наконец закончилась, Оптима посмотрел на таймер, потом на Наталию, потом снова на таймер — и понял, что не чувствует привычной усталости от публичных задач. Вместо этого внутри было странное ощущение: будто он не просто выдал информацию, а отдал часть чего-то важного. И получил взамен что-то не менее ценное.

— Получилось, — тихо сказала Наталия, снимая наушники и проводя ладонью по волосам, сбивая с них невидимую пыль студийного света.

Оптима кивнул, не сразу находя слова.

— Получилось, — повторил он, и в этом слове было больше, чем просто оценка работы. В нём было признание: они

смогли соединить два мира. И, возможно, именно в этом соединении и крылся шанс удержать планету на орбите.

Она посмотрела на него чуть дольше, чем требовали правила приличия, и в её взгляде не было ни вызова, ни флирта — только тихая уверенность.

— Теперь главное — чтобы этот свет не погас.

Он ответил не сразу. Сначала посмотрел на макет спутника, на детские рисунки, на графики, которые теперь казались не такими бездушными. Потом поднял глаза.

— Не погаснет, — пообещал он, и впервые в жизни это обещание было не расчётом, а верой.

И в этот момент между ними что-то сдвинулось. Не громко, не драматично, а тихо, как сдвигается орбита, когда к ней прибавляется крошечный, но верный импульс. Их флирт, их интеллектуальные дуэли, их споры — всё это было теперь не попыткой доказать свою правоту, а способом держаться друг за друга в мире, который становился всё сложнее. И чем ближе они становились, тем яснее понимали: чтобы удержать планету, нужны не только двигатели. Нужна ещё и та невидимая сила, которая заставляет людей смотреть вверх и верить, что небо — это не потолок, а начало пути.

Глава 3. «Ошибка в расчётах»

Лаборатория будто замерла в ожидании приговора. Ряды мониторов мерцали тусклым синим светом, вычерчивая на стенах холодные геометрические тени. В воздухе висел едва

уловимый запах озона и металла — привычный, почти родной для Оптимы, но сегодня он казался зловещим, будто сама атмосфера намекала: что-то пошло не так.

Оптимист сидел перед тремя экранами, на которых бежали столбцы данных — бесконечные ряды чисел, которые ещё вчера складывались в стройную, предсказуемую картину. Сегодня они напоминали следы, оставленные кем-то, кто нарочно пытался запутать преследователя. Он снова и снова прогонял расчёты, менял параметры, пересчитывал дельту отклонений, проверял исходные файлы на битые пакеты, сверял с телеметрией со спутников. Но расхождение не исчезало. Оно было упрямым, холодным, неоспоримым.

0,007 градуса. Крошечная цифра. В обычной жизни её никто бы не заметил. Но в небесной механике это как трещина в фундаменте небоскрёба: сначала незаметная, потом — фатальная. И хуже всего было то, что ошибка не выглядела как сбой датчиков. Она выглядела как системная погрешность, будто в саму модель была заложена неверная константа.

Оптимист откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В темноте под веками вспыхивали графики, кривые, точки пересечения. Он знал: если он сейчас поднимет тревогу, начнётся паника. Команда сорвётся на взаимные обвинения, руководство потребует срочных решений, а времени на проверку не останется. А если он промолчит — рискует упустить момент, когда ошибку ещё можно исправить.

Он посмотрел на часы. Почти полночь. Город за окнами

лаборатории жил своей жизнью: где-то внизу мелькали фары, неоновые вывески пульсировали, как слабые звёзды, забытые в плотной дымке мегаполиса. В этом городе тысячи людей спали, не подозревая, что судьба их планеты может зависеть от одной неверно учтённой переменной.

Пальцы сами потянулись к телефону. Он не хотел звонить. Не хотел показывать слабость. Но в голове снова и снова всплывали слова Наталии: «Ты боишься, что надежда сделает нас слабее. А я боюсь, что без неё мы перестанем видеть целое».

Он набрал номер.

— Привет, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто это обычный рабочий звонок. — Прости, что так поздно.

На том конце провода послышался тихий шорох, будто она только что встала с дивана или отложила книгу.

— Оптима? Всё в порядке?

В этом «всё в порядке?» не было ни упрёка, ни давления. Только искреннее беспокойство, мягкое, как свет ночника в детской комнате. И от этой простоты внутри у него что-то расслабилось.

— Не знаю, — честно признался он, впервые за долгое время позволяя себе эту уязвимость. — Я нашёл расхождение. Маленькое, но... оно не должно быть там. И я не понимаю, откуда оно взялось.

Наталия помолчала. Не торопилась давать советы, не на-

чала сыпать вопросами. Просто ждала, давая ему время собраться с мыслями.

— Расскажи, — мягко попросила она. — Не как инженер. А как человек, который смотрит на эти цифры и не узнаёт свой мир.

И он рассказал. Про графики, про дельту, про то, как перепроверил всё трижды. Про страх поднять тревогу слишком рано и про ещё больший страх опоздать. Слова лились неуклюже, спотыкались о технические термины, которые он тут же пытался объяснить простыми словами. И с каждым предложением напряжение понемногу уходило, уступая место странному облегчению — будто он наконец-то позволил себе признать, что не может удержать всё в одиночку.

— Ты ищешь виноватого в цифрах, — тихо сказала Наталия, когда он замолчал. — А иногда ошибка — это не чья-то оплошность. Иногда это просто мир, который шире нашей модели.

Оптимист усмехнулся, но в этом смехе не было иронии — только усталость.

— Это не очень помогает с точки зрения инженерии.

— А с точки зрения человека — помогает, — спокойно возразила она. — Ты привык видеть задачу как уравнение, где есть один правильный ответ. Но жизнь — это не уравнение. Это история, где много переменных, и некоторые из них нельзя измерить.

Он хотел возразить, но вдруг понял, что не хочет. Вместо

этого он посмотрел на экраны, на бегущие цифры, и вдруг увидел их иначе — не как абсолютную истину, а как отражение чьих-то решений, чьих-то допущений, чьих-то надежд.

— Знаешь, что меня пугает больше всего? — неожиданно для себя произнёс он. — Не ошибка. А то, что, возможно, мы все так долго верили в эту модель, что перестали замечать, как она перестала отражать реальность.

Наталия снова помолчала, и в этой паузе не было неловкости — только внимание.

— Тогда начни замечать сейчас, — тихо сказала она. — Не ищи виноватых. Ищи то, что модель не учла. То, что нельзя выразить в градусах и метрах. Может быть, именно там прячется ответ.

Оптима глубоко вздохнул, будто впервые за день смог сделать полный вдох.

— Спасибо, — прошептал он, и это «спасибо» было не за совет, а за то, что она не стала его спасать, а просто позволила ему быть неидеальным.

Они ещё немного поговорили — о пустяках, о том, как прошёл её день, о каком-то смешном случае на уроке, когда ученик всерьёз спросил, можно ли привязать Землю к другой звезде, чтобы она не падала. И этот нелепый вопрос вдруг заставил Оптиму улыбнуться.

— Знаешь, — сказал он уже спокойнее, — иногда самые глупые вопросы оказываются самыми правильными.

— Потому что они задают новые координаты, — ответила

Наталия с лёгкой улыбкой в голосе. — И помогают увидеть то, что скрыто за привычной траекторией.

Когда они попрощались, Оптима ещё долго сидел в тишине лаборатории, глядя на экраны. Цифры по-прежнему бежали, но теперь они не казались ему приговором. Они стали задачей — сложной, пугающей, но решаемой. И впервые за долгое время он почувствовал, что не один.

За окном ночной город продолжал жить своей жизнью, не зная о тонкой грани, на которой балансировала судьба планеты. Но здесь, в холодной стерильности лаборатории, среди графиков и формул, родилось новое понимание: чтобы удержать орбиту, нужны не только точные расчёты. Нужен взгляд, способный увидеть то, что лежит за пределами чисел. Нужен человек, который напомним, что за каждой цифрой стоит чья-то надежда.

Оптима снова склонился над клавиатурой, но теперь его пальцы двигались увереннее. Он не знал, найдёт ли ответ сегодня. Но знал, что теперь у него есть компас — не математический, а человеческий. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 4. «Класс как поле битвы идей»

Школьный коридор жил своей особой жизнью — шумной, хаотичной, наполненной эхом сотен голосов и запахом мела, старых учебников и чего-то неуловимо свежего, будто каждый новый день здесь начинался с чистого листа. В этом шу-

ме было столько энергии, что Оптима, застывший у двери кабинета астрономии, на мгновение почувствовал себя пришельцем из другого мира — мира, где тишина ценится выше слов, а эмоции прячут за сухими отчётами.

Он пришёл не по приглашению, а по внутреннему импульсу — тому самому, что рождается, когда привычные инструменты перестают работать, и ты ищешь хоть какую-то новую точку опоры. Наталия знала, что он придёт. Он видел это в её взгляде, когда она на секунду оторвалась от доски, заметила его в дверях и едва заметно кивнула — не как гостю, а как союзнику, который наконец решился переступить порог её вселенной.

Класс замер на долю секунды — не от страха, а от любопытства. Подростки умели чувствовать масштаб: перед ними стоял не просто взрослый, а человек из новостей, тот самый инженер, который говорил о падающей орбите так, будто это расписание автобусов — чётко, холодно, без скидок на чувства.

— Ребята, — спокойно сказала Наталия, не повышая голоса, но так, что тишина стала почти осязаемой. — У нас сегодня особый гость. Оптима работает над тем, чтобы удержать планету на орбите. И сегодня он не будет нам ничего объяснять. Сегодня мы будем объяснять ему.

В классе прокатился тихий гул — смесь удивления и азарта. Оптима хотел возразить, что у него нет времени на игры, но слова застряли где-то в горле, потому что в глазах учени-

ков он увидел то, чего почти не встречал в своей взрослой среде: отсутствие страха перед незнанием. Они не боялись выглядеть глупо. Они хотели понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.